

УДК 316.614
С-53

Снимщикова Эмилия Викторовна

аспирант кафедры философии и социологии Краснодарского университета МВД
России

тел.: (928) 273-45-57

Некоторые аспекты положительных и отрицательных проявлений девиаций как фактора прогрессивного развития социума

Аннотация:

В статье рассматриваются положительные и отрицательные стороны социальных отклонений, как неотъемлемой составляющей любой общественной системы. Упоминаются некоторые аспекты деструктивного влияния негативных девиаций. Позитивные девиации рассмотрены как один из факторов прогрессивного развития социума.

Ключевые понятия: общество, социальные отклонения, мутации, адаптация, поведение, позитивные девиации, инновации, дезадаптированность личности, прогрессивное развитие.

Каждому обществу свойственны определенные формы социальных отклонений в тех масштабах, которые вытекают из конкретно-исторических условий его существования: социальных, экономических, политических, нравственных. Характер и объем социальных отклонений позволяет судить о многих характеристиках данного общества: нравственном климате, уровне законности и правопорядка, степени сплоченности социальных групп.

Отклонение, будучи необходимым элементом механизма изменения, вообще присуще любой системе. Если рассматривать отклонение в более широком плане, то оно тесно связано с изменчивостью и устойчивостью движения, с неоднородностью материи. Можно смело предположить, что отклонение является элементарной и, вместе с тем, в определенном отношении наиболее общим выражением изменчивости, а также неоднородности объективного мира.

Спонтанные отклонения в неживой природе принято называть флуктуациями. Они могут привести как к гибели системы, так и к ее развитию. Отсутствие флуктуации в природе означало бы, очевидно, бесконечно однообразное движение элементарных частиц. По мнению И. Пригожина и И. Стенгсрс, именно флуктуации определяют глобальный исход эволюции системы. Тезис тех же авторов — порядок через флуктуации — отражает роль последних в саморазвитии неживых систем. Бесчисленные физико-химические флуктуации привели в конечном итоге к возникновению жизни на Земле. В механизме биологической эволюции существенная роль также принадлежит отклонениям — мутациям. Мутации, с одной стороны, нарушают организованность живых систем, с другой — способствуют возникновению нового, то есть прогрессивному развитию. Именно они служат первичным фактором эволюции, ее сырьем, движущей силой отбора, путь которого состоит в элиминации особей с негативными для адаптации вида мутациями и наследственном закреплении мутаций, полезных для сохранения и эволюции вида [1].

Таким образом, можно говорить о двойственном позитивно-негативном характере отклонений относительно сохранения и прогрессивного развития живых систем. Более того, есть основания полагать, что мутации и иные отклонения от нормы могут сами по себе выполнять определенные функции.

По сути, привычный для людей аксиологический подход к реалиям нередко приводит к отрицанию функциональности и адаптивности процессов, признаваемых патологическими, вызывающих негодование и желание поскорее их ликвидировать и

искоренить. Но ошибочно не учитывать при этом, что, любое целое, будь то система, процесс, противоречие, имеет положительную и отрицательную стороны. Отрицательное и положительное абсолютно соединены в субстанциональной необходимости. Адаптационные процессы, без которых невозможно само существование сохранение и изменение биологических и социальных систем, включают девиации как свою разновидность, неотъемлемую составляющую. Диалектика нормы и патологии в процессе адаптации подробно рассмотрена И.Д. Калайковым, который обоснованно приходит к выводу: «Норма и патология – это формы приспособительного процесса... Патологическое является специфической формой адаптации» [2, с. 109].

Процессы организации и дезорганизации объективно необходимы. Неадаптивные формы человеческой жизнедеятельности в процессе эволюции элиминируются, сохраняющиеся же адаптивны и выполняют те или иные явные и/или латентные функции. Вот почему иллюзорны представления о возможности запретительно-репрессивными мерами «ликвидировать» то или иное нежелательное социальное явление.

Вот, в частности, почему социальные отклонения могут иметь для системы двоякое значение. Одни из них – негативные (социальная патология) – дисфункциональны, нарушают функционирование системы, дезорганизуют ее, создавая угрозу самому существованию. Другие – позитивные (социальное творчество) – служат средством совершенствования, прогрессивного развития системы, повышения ее организованности. При этом качества «позитивное» и «негативное» неимманентно присущи определенным формам отклоняющегося поведения, а лишь выражают отношение к ним общества. Границы между социально позитивным и негативным весьма подвижны во времени и пространстве социумов. Кроме того, в одном и том же обществе в одно и то же время сосуществуют различные «нормативные субкультуры» (от научных сообществ и художественной «богеми» до преступных сообществ).

Общество не может развиваться, а законы общественного развития не могут проявляться иначе, как через деятельность людей. И если в условиях первобытного общества девиантность социума проявляется лишь в виде отдельных «эксцессов» самодеятельности архаичного человека, то на современном этапе, в дифференцированном, социально неоднородном обществе противоречие между потенциально универсальной, тотальной деятельностью людей и актуально ограничивающей ее социальной формой (заданной обществом путем конструирования типов деятельности, норм поведения) приобретает характер отклоняющегося поведения как относительно массового и распространенного социального явления [3, с. 41–42].

Характер девиантного поведения зависит, во-первых, от того, как человек научен отвечать на возникающие трудности: путем созидательных или разрушительных действий, во-вторых, от того, каким образом общество стимулирует созидательные действия личности. Основным критерием определения характера девиантного поведения является его форма реализации.

Позитивными девиации являются тогда, когда способствуют прогрессу общества, повышают уровень его организованности, помогают преодолеть устаревшие, консервативные или даже реакционные стандарты поведения. Поэтому в постиндустриальном обществе главным становится не физическая сила, а способность к инновациям. В современной культуре социальное поведение предполагает не столько сохранение человеком своего статуса, сколько умелое и разумное приспособление его к конкретной ситуации. Наиболее высоко оценивается не буквальное соблюдение правил, а умение в случае необходимости нарушать их. В связи с этим резко возрастает и роль личности. Личность вынуждена вместо выполнения обязательных предписаний и запретов ритуализированного поведения творчески обыгрывать существенно более мобильные нормы. Создавая социальные формы своего бытия, человек может как утвердить себя в мире, так и уничтожить.

Выбор будущего возможен и в «восходящем» направлении социального совершенствования и по пути «нисходящему», выявляющему деструктивность. Основная задача для человека видится в том, чтобы устоять перед деструктивными силами мира.

К этому долго стремились, за это боролись, и теперь современная личность стала свободна в своей самореализации и фактически предоставлена самой себе в социальном плане.

Свобода принимает новую степень проявления: она уже не связана не с добродетелями общины, не с законами правового общества, а с глубинной личностной основой – ценностно-смысловой. Реальность, с которой соотносится эта свобода, и есть реальность поступка, как целостной жизненной позиции человека. При этом многие люди просто не способны на личностный поступок, они предпочитают руководствоваться сложившимися в обществе стандартами поведения, не желают, а порой не могут следовать свободе.

Взаимодействия индивида и реальности можно представить пятью способами: приспособление, противодействие или болезненное противодействие, уход и игнорирование.

При противодействии реальности индивид активно пытается разрушать ненавистную ему действительность, изменять ее в соответствии с собственными установками и ценностями. Он убежден, что все проблемы, с которыми он сталкивается, обусловлены факторами действительности, и единственным способом достижения его целей является борьба с действительностью, попытка переделать реальность под себя или максимально извлечь выгоду из нарушающей нормы общества поведения. При этом ответом со стороны действительности по отношению к такому индивиду становится также противодействие, изгнание или попытка изменить индивида, подстроить его под требования реальности.

Так называемое болезненное противостояние реальности обусловлено признаками психической патологии и психопатологическими расстройствами, при которых окружающий мир воспринимается враждебным в связи с субъективным искажением его восприятия и понимания. Симптомы психического заболевания нарушают возможность адекватно оценить мотивы поступков окружающих, и вследствие этого эффективное взаимодействие с окружением становится затруднительным. Если при противостоянии реальности здоровый человек осознанно выбирает путь борьбы с действительностью, то при болезненном противостоянии у психически больного человека данный способ взаимодействия является единственным и вынужденным. На примере употребления наркотических веществ в рамках наркозависимости данный тип взаимодействия с реальностью можно трактовать как использование этих средств, в частности, с целью купирования психопатологической симптоматики [4, с. 351]. При этом не происходит ни столкновения, ни противодействия, ни ухода от реальности. Стороны существуют как бы сами по себе.

Подобный вариант взаимодействия с реальностью довольно редок и встречается лишь у небольшого числа повышенно одаренных, талантливых людей с гиперспособностями в какой-либо одной области. Употребление наркотических веществ следует рассматривать при этом типе взаимодействия с реальностью как признак «особости», избранности, причастности к богеме.

Гармоничный человек выбирает приспособление к реальности. Однако нельзя однозначно исключать из ряда гармоничных индивидов лиц, которые используют, к примеру, способ ухода от реальности. Это связано с тем, что реальность, так же как и отдельный индивид, может носить негармоничный характер. Например, добровольное приспособление к условиям авторитарного режима, разделение его ценностей и выбор соответствующего поведения нельзя рассматривать как гармоничное.

Каждому человеку необходим какой-либо объект, на котором он мог бы «реализовать свою субъективность» (Л.С. Выготский), проявить свою сущность, выразить себя. Способов и форм социальной и психологической самореализации существует много: для одних – это творчество, для вторых – общественная работа,

милосердие, для третьих – хобби, мода, для четвертых – алкоголизм, наркомания, проституция и другие социальные отклонения [5, с. 52].

Помимо этого, имеются определенные взаимосвязи между позитивными и негативными отклонениями. Теоретически понятно, что повышенная социальная активность как следствие неудовлетворенных может проявиться либо в социальном творчестве, новаторстве, одаренности, креативности – позитивные отклонения, либо в антиобщественной деятельности – преступления, антиобщественные проступки, либо, не найдя реализации, окончиться уходом ее субъектов в алкоголь, наркотики, а то и суицидальным актом. Некоторые результаты эмпирических исследований свидетельствуют в пользу этой гипотезы.

На наш взгляд, социально-психическая дезадаптированность личности в первую очередь выражается в неспособности ее адаптации к собственным потребностям и притязаниям. С другой стороны, личность, имеющая нарушения адаптации или полную дезадаптированность, не в состоянии удовлетворительно идти навстречу тем требованиям и ожиданиям, которые предъявляют к ней социальная среда и собственная социальная роль, ее ведущая в данной среде профессиональная или иная мотивированная извне и изнутри деятельность. Одним из признаков социально-психической дезадаптированности личности является переживание ею длительных внутренних и внешних конфликтов без нахождения психических механизмов и форм поведения, необходимых для их разрешения.

Имея в виду то обстоятельство, что человек начинает осуществлять адаптивные процессы во всех тех случаях, когда оказывается в проблемных ситуациях (а не только при переживании конфликтных ситуаций), можно выдвинуть проблему уровней дезадаптированности.

Для понимания особенностей адаптивного процесса следует знать тот уровень дезадаптированности, отталкиваясь от которого, личность начинает свою адаптивную активность.

Девиантными можно назвать те процессы социальной адаптации личности, которые обеспечивают удовлетворение потребностей личности в данной группе или социальной среде, в то время как ожидания остальных участников социального процесса не оправдываются таким поведением.

Девиантная адаптация условно может быть подразделена на два основных подвида: а) неконформистская адаптация; б) новаторская (инновативная, творческая) адаптация.

Неконформистской можно назвать такой процесс социально-психической адаптации личности, благодаря которому она преодолевает внутригрупповую проблемную ситуацию необычными для членов этой группы способами и путями и вследствие этого оказывается в конфликтных отношениях с нормами группы и их носителями.

Эта особенность (относительность адаптивности или неадаптивности поведения) еще более четко проявляется при рассмотрении второй и очень важной разновидности девиантной адаптации – инновативного (новаторского) или творческого поведения. Так называют ту разновидность человеческой деятельности или исполнения роли, в ходе и результате которой личность создает новые ценности, осуществляет нововведения в те или иные области культуры.

Патологическая адаптация – это такой социально-психологический процесс (активность личности в социальных ситуациях), который полностью или частично осуществляется с помощью патологических механизмов и форм поведения и приводит к образованию патологических комплексов характера, входящих в состав невротических и психотических синдромов. [6, с. 25]

Если рассматривать негативные проявления девиаций в рамках психологической парадигмы, то такая личность, как носитель этих отклонений, будет содержать целый ряд особенностей: проблемы когнитивного плана (одной из причин девиантного поведения является нарушение формирования отдельных психических функций и познавательных процессов, как результат педагогической запущенности в

семье, нарушение в эмоциональной сфере, в частности нарушение эмоционального тонуса (неуравновешенность, вспыльчивость, импульсивность, лабильность настроения, низкую общую культуру, негативное отношение к нравственным нормам и правилам, к окружающим людям, нарушение механизмов социально адаптации, неопрятность, бестактность, агрессивность, бродяжничество, ориентацию на узкогрупповые интересы и ценности и др.); конфликты, выражающиеся в противоречии между существующими нормами морали и права и неумением, или неспособностью индивида их соответствующим образом выполнять; достаточно часто у лиц, имеющих какие-либо виды отклоняющегося поведения, наблюдаются различные физические недостатки, дефекты речи, внешняя непривлекательность, недостатки конституционно-соматического характера, которые могут негативно проявлять себя через систему межличностных отношений, выражаясь в отклонениях поведенческой сферы; извращенные или гипертрофированные биологические потребности – гиперсексуальность, несублимированная в социально-активные формы деятельности, закрепившаяся на уровне дурных привычек, потребность в алкоголе, курении, наркотиках; проблемы развития в родительской семье, такие как конфликты в семье, недостаток любви, смерть одного из родителей, родительскую жестокость или непоследовательность в воспитании в детском доме; общее недоразвитие коммуникативных навыков общения; деформацию ценностных ориентаций и ценностно-нормативных представлений, то есть деформацию системы внутренней регуляции.

Вырисовывается весьма не привлекательный и даже отталкивающий психологический портрет. Отсюда вполне объяснимы разнообразные меры профилактики и предотвращения нежелательных личностных проявлений, которые на данном этапе развития психологической и социальной наук являются весьма актуальными и активно разрабатываемыми.

На глобальном уровне объективность, необходимость, функциональность девиаций как позитивных, так и негативных не исключают постоянства в стремлении общества бороться с негативным поведением.

Самозащитная реакция общества столь же объективна, необходима, функциональна, как и то, против чего она направлена. Однако средства воздействия должны быть адекватны генезису и закономерностям объекта. До сих пор большинство средств социального контроля и профилактики вызваны эмоциями, догмами и иллюзиями и, пожалуй, меньше всего – реальными закономерностями процессов, которыми мы должны управлять.

Исторически первоначальная реакция общества – подавить, запугать, уничтожить нарушителей порядка. Когда общество пресытилось пытками, виселицами, четвертованием, кострами и т.п., стало закрадываться сомнение в эффективности наказания, репрессии, приведшее к мысли о приоритете предупреждения преступлений и иных антиобщественных проявлений.

В реальности взаимосвязи различных форм отклоняющегося поведения крайне сложны, порой противоречивы и часто не отвечают обыденным представлениям. Нередко наблюдается индукция форм социальной патологии, когда одно негативное явление усиливает другое (алкоголизация – хулиганство и некоторые насильственные преступления, наркотизм – корыстные, бюрократизм – должностные и хозяйственные), однако эмпирически установлены и обратные связи, когда, например, рост алкоголизации сопровождается снижением уровня преступности, в обратной корреляционной зависимости находятся убийства и самоубийства. Соотносясь не как причина и следствие (представляется некорректным довольно распространенное мнение о том, что пьянство – одна из причин преступности), но как рядоположенные общественные явления с едиными социальными причинами, различные формы социальной патологии могут либо совпадать, усиливая друг друга, либо «разводиться» в обратной зависимости, подавляя одно другое (интерференция различных форм девиантного поведения).

Но всегда очевидна зависимость различных форм девиантного поведения от среды – экономических, социальных, демографических, культурологических и иных факторов. При этом различные социальные девиации по-разному реагируют на средовые воздействия.

Стремительные изменения в социальной действительности ведут к тому, что выработанные прежде навыки, индивидуальные и групповые нормы в той или иной мере теряют эффективность [7, с. 113–118].

Не раз говорилось о том, что общественное отношение к девиантным явлениям весьма изменчиво. Но в условиях современных Российских реалий это особенно очевидно. Подчас создается впечатление, что норма и отклонения поменялись местами. И что, если какое-либо девиантное явление приобрело массовый характер, так оно автоматически вошло в границы нормы? Взять хотя бы пропаганду тюремной субкультуры, посредством вездесущей трансляции так называемого «шансона» – по сути тюремных песен, стихов, повествующих о преступных стереотипах поведения. Сразу напрашивается вопрос: с каких это пор уголовная лирика – «творчество» – убийц, насильников и грабителей стала вызывать общественный интерес, и даже нравиться?! Вклад в пропаганду и романтизацию криминального и асоциального образа жизни вносят СМИ, шоу-бизнес, кино и телевидение. Достаточно вспомнить о безумной популярности жанра блатной песни, телесериалов «Бригада», «Бандитский Петербург», бесчисленных детективов и многих, многих других явлений массовой культуры, развращающих людей.

Очевидно одно – девиации могут проходить несколько этапов: могут оставаться отклонениями, а могут модифицироваться в нормы. Поэтому мы должны признать не только сам факт существования отклонений во всех сферах человеческой жизнедеятельности, но и их необходимость. Как правило, отношение конформно настроенных современников к «девиантам» бывает крайне негативным. Не говоря уже об официальном «мнении», стоящем на страже целостности и неприкосновенности существующей общественной системы. И, тем не менее, несмотря на разную силу противодействия, новое пробивает себе дорогу, формируя принципиально иные нормативные основы общественного устройства. Механизм превращения отклонения в норму, и наоборот, лежит в основе эволюционных и революционных преобразований.

Генезис девиантного поведения обусловлен рядом взаимосвязанных факторов и является результатом интеграции социальных и личностных характеристик, которые выступают в единстве и во взаимодействии.

Возможно ли общество без «беспорядка»? Очевидно – нет. Организация и дезорганизация, «порядок» и «беспорядок», «норма» и «девиации» – необходимые механизмы изменения и развития, а следовательно, самого существования системы социальной, физической или биологической. Без девиаций «ничего никогда породить не могла бы природа», как заметил еще Лукреций.

Социальные девиации, подобно флуктуациям неживой материи и мутациям живой, служат необходимым механизмом изменений как эволюционных, так и инволюционных. Позитивные девиации способствуют развитию системы повышения уровня организованности, накоплению информации, снижению энтропии, негативные девиации ведут к деградации системы – снижению уровня организованности, потере информации, росту энтропии [8, с. 43–46].

По сути, мы имеем дело со сложнейшей дихотомией, без существования которой не возможно существование и прогрессивное развитие современной общественной системы.

Ссылки:

1. Пригожин И., Стенгерс И. *Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой*. М., 1986.
2. Калайков И.Д. *Теория отражения и проблема приспособления*. М., 1986.
3. Гилинский Я.И. *Творчество: норма или отклонение? // Социологические исследования*. 1990. № 2. С. 41–49.
4. Менделевич В.Д. *Психология девиантного поведения // Клиническая и*

медицинская психология. М., 1999. С. 351–416.

5. Клейберг Ю.А. Психология девиантного поведения: учебное пособие для вузов. М., 2001.

6. Калайков И. Цивилизация и адаптация. М., 1984.

7. Гилинский Я.И. Отклоняющееся поведение как социальное явление // Человек и общество. Л., 1971. Вып. VIII. С. 113–118

8. Гилинский Я.И. Девиантность, преступность, социальный контроль. СПб., 2004.

9. Гилинский Я.И. // Социальный контроль и отклоняющееся поведение. Социология девиантного поведения и социального контроля: краткий очерк // Рубеж (альманах социальных исследований). 1992. № 2. С. 51–68.